

А.Ю. АГАФОНОВ

ЧЕЛОВЕК КАК СМЫСЛОВАЯ МОДЕЛЬ МИРА

**ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
СМЫСЛА**

Издательский Дом
"БАХРАХ - М"

2000

ББК 88

А 23

Научные рецензенты:

доктор психологических наук, Президент Санкт - Петербургского отделения Российского психологического общества, профессор **В.М. Аллахвердов** (г. Санкт - Петербург);
доктор психологических наук, член - корреспондент РАО, профессор **В.А. Петровский** (г. Москва).

А 23 Агафонов А.Ю.

Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. - Самара: Издательский Дом "БАХРАХ - М". 2000. - 336 с.

ISBN 5 - 89570 - 012 - 8

В данной монографии рассматриваются фундаментальные проблемы психологии: онтология психического, работа сознания, феномен понимания, природа человеческой памяти, психическая интерференция. Из какого материала строится психическая реальность? Как и при каких условиях происходит познание мира? - Эти и другие вопросы обсуждаются на страницах данной книги. Автор убежден, что ведущая роль в психическом отражении действительного мира принадлежит сознанию. Поэтому сознание, в котором заключена специфика человеческой психики, является одной из центральных тем данной работы. Книга написана для методологов, философов, психолингвистов, преподавателей психологии и студентов психологических факультетов, а также для всех тех, кто увлечен стремлением разгадать тайну человеческой психики.

ISBN 5 - 89570 - 012 - 8

© Агафонов А.Ю., 2000

© Предисловие. Аллахвердов В.М., 2000

© Оформление. Издательский Дом
"БАХРАХ - М", 2000.

Нажмите здесь, чтобы купить полную версию
книги

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ОТ АВТОРА	7
БЛАГОДАРНОСТИ	12
ВВЕДЕНИЕ	14
ЧАСТЬ 1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА В ПСИХОЛОГИИ	18
Глава 1. История выбора единиц анализа психического	18
Глава 2. Принципы определения единицы анализа психического	43
Глава 3. Смысл как единица анализа	53
ЧАСТЬ 2. СМЫСЛ. СОЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ.	60
Глава 1. Содержательный анализ понятия "смысл"	60
Глава 2. Смысловая природа психического: основоположения и обоснования	70
Глава 3. Память как интегратор смыслового содержания психики	130
3.1. Память в отношении к психическому времени	143
3.2. Парадокс забывания. Доказательство тотальной сохранности мнемических следов.	173
Глава 4. Загадка происхождения сознания в антропогенезе	187
Глава 5. Модели сознания	199
5.1. Сознание как мультипликативный самонинтерпретирующийся текст	219
Глава 6. О механизме психической интерференции	239
Глава 7. Феномен понимания	250
7.1. Специфика понимания в мыслительном контуре	275
7.2. Мышление: парадокс "реминисценции" понимания. Рефлективный контур.	284
ЧАСТЬ 3. МЕТОДЫ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	295
Глава 1. Психологические методы	296
Глава 2. Психофизиологические методы	302
ЧАСТЬ 4. БЕССМЫСЛЕННОСТЬ СМЕРТИ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ ПОНИМАНИЯ (поэтические медитации)	310
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	328
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	331

ПРЕДИСЛОВИЕ

В одном из романов К. Воннегута робот - путешественник, везущий приветствие из одной Галактики в другую, попадает в аварию и оказывается на одной из планет Солнечной системы. Ему срочно нужна некая деталь для починки космического корабля. И робот находит способ сообщения своим коллегам, какую деталь необходимо срочно прислать. На планете Земля он создает цивилизацию, которая порождает необходимый сигнал, построив Вестминстерское аббатство, Великую китайскую стену и Московский Кремль... Забавная история? О, нет! - восклицаем мы, не может быть, чтобы жизнь человечества была столь бессмысленной.

И все же Воннегут даже более оптимистичен в описании смысла бытия, чем современная наука. У него хоть есть какие-то Галактики, которые способны принять и понять сигнал. А наука ничего не знает о существовании других цивилизаций и рассматривает человека с его страстями и убеждениями, верой и надеждой как случайное образование. Никакое стремление к истине, добру и красоте, утверждает наука, не предохранит ни одного человека от смерти. И все человеческие свершения, воплощенные в камне, в книгах, в технических конструкциях, в конце концов тоже исчезнут вместе с Солнечной системой и Вселенной. Так зачем же люди столь упорно ищут смысл жизни?

В предлагаемой вашему вниманию книге А.Ю. Агафонова дается, на мой взгляд, ясный ответ. Человек обречен на поиск смысла, потому что его сознание соткано из смыслов. И эти смыслы мы самостоятельно и произвольно созидаем. В этом приписывании смысла всему - себе, миру, даже самому смыслу - заключена великая свобода человеческого сознания. Мы сами вольны выбирать, каков смысл мира, добрый мир или злой; сами призваны отвечать на вопросы: кто есть Я, зачем живу на этом свете? А поэтому и отвечаем перед собой и другими за выбор созданных нами ответов. Как показывает автор, эти вопросы совсем не так давно стали предметом обсуждения в современной психологии. На поиск смысла направлены многие психотерапевтические техники.

А.Ю. Агафонов, однако, ориентирован не столько на практику, сколько на теоретический анализ возникающих при данной интерпретации проблем. Как человек способен узнать, что он вспомнил именно то, что забыл - ведь не может же он помнить забытое? Как вообще работает память, если она опирается только на смысл того, что запоминает? А как человек узнает, что его посетила новая и удачная идея - он заранее знает, какая идея должна его посетить? Автор внимательно рассматривает различные эксперименты, обсуждает возможные методы исследования. И зачастую находит оригинальные решения сложнейших головоломок.

Психология вступает сегодня в новый век. Однако положение дел в психологии мало кого устраивает. Все более в прошлое уходят концепции В. Вундта и З. Фрейда, Д.Н. Узнадзе и Д.Н. Леонтьева. Кто и с чем придет к ним на смену? Психология ждет новых открытий и новых теорий. И я не удивлен, что эти теории прежде всего возникают в России, которая явно переживает нечто подобное эпохе Возрождения. Вспомните Ренессанс в Италии: политическая ситуация отвратительна, лидеры один хуже другого, нравственные ценности осмеиваются, атмосфера насыщена гнусностью, продажностью и убийствами. И на фоне этого творят такие универсальные гении, как Леонардо и Кардано. Может быть, это предчувствие *возрожденческого универсализма* побуждает Андрея Юрьевича Агафонова смешать в одной книге как жесткие логические конструкции (в тексте они прямо фиксируются: аксиома - следствие), так и описание естественнонаучных экспериментов. Но при этом он откровенно ориентирован на гуманитарный способ рассуждений, а в завершение еще и поднимает свой поэтический бокал.

Автор хорошо понимает неустрашимость субъекта из любой человеческой деятельности, в том числе и научной. И справедливо отмечает субъективные компоненты в любой теории. Но все же не настолько же!.. Да, подлинно научные теории никогда не бывают абсолютно правильными. Да, ученый не является носителем абсолютной истины. Но все же он направлен на поиск истины, неизбежно претендует на приближение к ней. Поэтому Агафонов лукавит, когда заявляет, что, мол, абсолютно неважно, являются ли его теоретические построения верными. Согласен, каждый автор должен сомневаться в своей теории -

иначе он не сможет ее совершенствовать. Но каждый автор одновременно обязан незыблемо верить в свою концепцию, иначе он не сможет ее созидать.

Надеюсь, что читатель не только получит удовольствие от встречи с концептуальными построениями талантливого молодого ученого А.Ю. Агафонова, но и сможет в них поверить.

Доктор психологических наук, заведующий кафедрой "Общая и экспериментальная психология" факультета психологии СПбГУ, Президент Санкт-Петербургского отделения Российского психологического общества, профессор В.М. Аллахвердов

САМОМУ ТЕРПЕЛИВОМУ,
САМОМУ ДОБРОМУ, САМОМУ
МУДРОМУ ЧЕЛОВЕКУ НА СВЕТЕ,
МОЕЙ ДРАГОЦЕННОЙ МАМЕ –
АГАФОНОВОЙ ЛЮДМИЛЕ
АЛЕКСАНДРОВНЕ, НАУЧИВШЕЙ
МЕНЯ БЫТЬ ПАТРИОТОМ СЕБЯ,
ПОСВЯЩАЮ ...

ОТ АВТОРА

Замысел настоящей работы созрел в течение последних десяти лет. Еще будучи студентом факультета психологии Санкт - Петербургского Госуниверситета, я озадачил себя следующими вопросами: "Почему люди, рождаясь в уже готовом лингвистическом мире, сплошь и рядом друг друга не понимают, ведь слова языка имеют свои словарно закрепленные значения? Если за каждым словом, за каждым языковым выражением у каждого человека лежит свой неповторимый смысл ("яблоко" для ребенка, для агронома и художника имеет различную побудительную силу, качественно различный аксиологический и эстетический вес, принципиально различную семантику), то почему, все - таки, понимание между людьми достижимо?" Интерес к подобного рода вопросам побудил меня обратиться к семиотике и психолингвистике. Определенным итогом осмысления проблемы приема и переработки знаковой информации человеком явилась моя дипломная работа¹. Я легкомысленно полагал, что ответ на вопрос: "Как люди понимают друг друга и самих себя, в то время, когда выражение мысли или чувства всегда есть нечто совсем другое, чем эти мысли и чувства?", с течением времени, пусть даже не в праздничном одеянии, а, как выразился бы Р. Музиль, "в нижнем белье моего сознания", наконец, обнаружит себя, что, без сомнения, даст уверенность обладания ключом ко всем загадкам человеческого мира. Позже я понял истинный смысл гераклитовского изречения: "Многознание уму не научает". По-

---

¹Агафонов А.Ю. Особенности организации психосемантического пространства в процессе переработки знаковой информации (психофизиологический аспект). Дипломная работа. СПб., 1994.

нять, что такое понимание, когда и как оно выполняется, и если не выполняется, то почему, совершенно невозможно, если ты занимаешь по отношению к Знанию потребительскую позицию, ожидая, что количество знания перерастет в качество понимания. Любое приращение знания не дает возможности понять то, что может совершиться единственный раз в единственном месте, а именно – в твоём сознании. Любое открытие, в том числе и научное открытие, представляет собой озарение, которое переживается человеком как внутреннее потрясение, как откровение, как момент предельной жизнеспособности сознания. Тайна умопостижения сути вещей не может быть разгадана исходя из количества того знания, которым человек обладает. Иначе говоря, я не усматриваю тесной корреляции между объемом накопленного знания и способностью к нетривиальному пониманию, то есть способностью к такому пониманию, которое единственно и допускает рождение новых идей. Движение в лабиринтах знания исключает в том числе и возможность понимания того, что есть понимание. Всякий, кто надеется найти Истину, Смысл, Понимание в Текстах и Людях, рано или поздно будет разочарован, так как это те вещи, которыми можно обладать только монопольно и которыми при всем желании нельзя поделиться. Однако, страстно желая найти в себе нечто подлинное, настоящее, безусловно ценное, человек вынужден, независимо от выбранного пути, идти к этому через Мир.

Все, что человека по-настоящему мучает (естественно, в интеллигибельном плане), превышает наличные возможности его разума, (хотя, кроме разума нет иного инструмента понимания). Но еще более накаляет трагическую спираль познания то обстоятельство, что только на этой волне ничем не устранимого напряжения человек поднимается над своей собственной тварностью. Во всяком случае, по моему глубокому убеждению, чем больше человек способен задаваться вопросами, не имеющими окончательных ответов, ясно осознавая иллюзорность всякой попытки, и, вопреки всей очевидной абсурдности, не прекращать поиски возможных решений, тем больше в человеке Человека.

Как известно, с удивления начинается любовь к мудрости. На мой взгляд, теоретическая психология существенно отстает в своем развитии от той сферы психологического знания, которая

традиционно проходит по ведомству "прикладная психология". Не могу ничего сказать относительно того "губительного" положения дел в физике, которая испытывает дефицит сумасшедших идей, но то, что психология перестала удивлять (пожалуй, после явления Фрейда), - есть неоспоримый факт. Изучая психологию по существующим учебным пособиям и руководствам, любой студент, имеющий поползновения в сторону мысли, готов согласиться с тем, что нарисованная в них картинка отображает устройство чьей угодно психики, но только не его. "Я не могу быть так примитивно устроен". "Моя бессмертная душа не может быть препарирована никаким самым точным измерительным инструментом". Вот естественная реакция тех, которые не согласны понимать свою психическую конституцию в соответствии с постулатами и предписаниями "классической" психологии¹. Каждый, кто осознает пробелы в существующем знании, и кто имеет необходимые интеллектуальные ресурсы, а самое главное, эмоциональные силы, претендует на создание своей модели человека. В этой связи психоанализ - это описание жизненного случая Фрейда, "индивидуальная психология" (в аспекте теории) - рассказ Адлера о собственном опыте, юнгианский психоанализ - путевые заметки, описывающие странствия автора теории "коллективного бессознательного" в архетипические миры. Любая психологическая теория отражает, в первую очередь, собственный опыт автора. В той или иной степени это повествование о собственной психической организации. Парадоксально то, что субъект исследования и есть в данном случае, в самом обобщенном виде, предмет исследования². По этому поводу очень красноречиво высказался Юнг: "Никогда не забывайте о том, что в психологии *средство*, с помощью которого вы

¹ Вот пример, хотя и в гипертрофированном виде, иллюстрирующий бытующие до сих пор взгляды на природу человека: "Человек - это автомат, воспринимающий, перерабатывающий и отдающий во вне информацию." (Н.М. Амосов. Моделирование мышления и психики. Киев, 195. С. 164.)

² В свое время Кант признавался, что он не испытывает необходимости покидать пределы Кенигсберга с тем, чтобы выполнить свою жизненную задачу. Чтобы сделать разум объектом критики, Канту было достаточно в полной мере обнаруживать разум (да еще какой разум!) в себе.

судите о Psyche и наблюдаете за ней, это сама *Psyche*. Слыхали ли вы когда-либо об ударяющем по самому себе молотке? (К этому интересному образу мы вернемся при обсуждении проблемы сознания. - А.А.) В психологии объектом наблюдения является сам наблюдатель. Psyche - не только *объект*, но и *субъект* нашей науки. ...Наибольшее, чего мы можем ожидать, - это, чтобы каждый открыл свои карты и признал: "Я обращаюсь с вещами таким-то и таким-то образом, а вот такими я их вижу." После этого мы можем обменяться впечатлениями."¹ В отечественной психологии данную позицию разделяет Ю.Б. Гиппенрейтер².

Настоящая работа – есть робкая попытка описать в самых главных чертах тот психический организм, который в наибольшей степени соответствует моему собственному, и, следовательно, смею самоуверенно надеяться, скорее в большей, чем меньшей степени психической организации других людей. Я слишком высоко ценю свои умственные способности, чтобы иметь претензию занять место в одном ряду с корифеями психологической мысли. Поэтому заранее предупреждаю все сомнения относительно моего психического здоровья. Хотя, несомненно, в чем-то я осознаю себя диссидентом, а, значит, свое собственное слово мне слышится звучащим более громко, нежели все сказанное доселе.

Увлечение философией Гераклита Эфесского, незабываемые лекции Льва Марковича Веккера, Владимира Александровича Ганзена, Владимира Валентиновича Лоскутова стали тем идейным руслом, которое определило движение моей, во многом недоразвитой, неполноценной, со множеством легко обнаруживаемых дефектов мысли; мысли, в силу того, что это все - таки моя мысль, горячо мною любимой и на которую, как на собственное взрослеющее и крепнущее чадо, я возлагал и возлагаю какие - никакие надежды. Эти надежды прежде всего связаны с желанием, по крайней мере, попытаться понять, из чего построен психический мир человека. Возможно, что ответ на этот вопрос не может быть получен. Само по себе это не страшно. И виной, и бедой моей оказалось бы то, что сам вопрос незаконно

¹Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. Киев, 1995. С. 130.

² Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1996.

поставлен, то есть непропорционален в пределах рационального знания. Но влияние досократиков, которые с неповторимым в последующей истории философским азартом искали атомарные составляющие мироздания, уже мною едва ли преодолимо. Любая рефлексия по этому поводу не может устранить бессознательный контекст любого сознательного действия в моей научной деятельности.

Данная книга писалась в течение девяти месяцев. И вот, наконец, новорожденный увидел свет. Пожелаю ему счастливой судьбы в читательском мире.

«Клетка пошла искать птицу.» Так говорил Кафка.

БЛАГОДАРНОСТИ

Вне всяких сомнений, за то, что данная работа состоялась, я, прежде всего, благодарен многочисленным студентам факультета психологии Самарского Госуниверситета, чье лишенное интеллектуальной порочности, пытливые и, что так свойственно молодости, безрассудно - смелое любопытство, во многом сыграло решающую роль в исходе моей многолетней войны с собственной ленью. Надо думать, что вопреки (или благодаря?) политическим и экономическим сложностям, отечественная психология будет обречена на развитие до тех пор, пока горят глаза любопытствующих студентов.

Я премного признателен всем, кто оказал на меня идейное влияние и, прежде всего, студентам и преподавателям Санкт - Петербургского Госуниверситета, атмосфера которого сделала меня навсегда однолюбом. Нетрудно догадаться, что имя этой удивительной женщины - ПСИХОЛОГИЯ.

Я с удовольствием называю имена тех, чья идеологическая поддержка была для меня неоценимой. Это: Иммануил Кант, Фридрих Ницше, Франц Кафка, Мераб Константинович Мамардашвили, Владимир Александрович Ганзен, Лев Маркович Веккер, Виктор Михайлович Аллахвердов, Вадим Артурович Петровский.

Я выражаю благодарность ректору Самарского Государственного университета, профессору Геннадию Петровичу Яровому за проявленную доброжелательность и оказанную им финансовую помощь.

Большое спасибо Оксане Владимировне Лавровой за дружескую поддержку, оказанную во время работы над книгой.

Благодарю декана факультета психологии СамГУ Константина Сергеевича Лисецкого за проявленный интерес к моей работе.

Я испытываю приятную обязанность особо отметить грандиозную техническую работу, сделанную Еленой Бусаровой. То, что данный проект осуществился, во многом ее заслуга.

Я адресуя слова огромной благодарности Вячеславу Анатольевичу Ковалеву, Наталье Андреевне Ахтиманкиной, Сергею

Петровичу Зиновьеву, Татьяне Алексеевне Чичкановой, Юлии Юрьевне Журавлевой, Роману Валерьевичу Жуковскому за финансовую помощь в издании данной работы.

Вера моего сына в гений отца, вера, которая время от времени явным образом себя обнаруживает, всегда окрыляет меня. Поэтому я несказанно рад выразить свое уважение и признательность моему сыну, Илье Агафонову, который, надеюсь, в будущем ступит на ту территорию, что не успею освоить я.

Я более чем благодарен судьбе за то, что имею замечательного брата, жизненная история которого есть хрестоматийная демонстрация позиции Л.Н. Толстого: "Делай, что должно - и будь, что будет." Воспитательную роль, которую играет брат в моей жизни, трудно переоценить.

Ну и, наконец, я не могу отказать себе в желании поблагодарить свою жену Светлану Васильевну Агафонову за эмпатическое слушание и эмпатическое молчание, за редкостную подлинность ее многолетнего Чувства, за ее терпение и личностную определенность, за те чудеса понимания, которым бы позавидовал любой профессиональный психотерапевт.

Я был бы рад получить отзывы и критические замечания от всех, кому содержание настоящей работы показалось интересным в каком-либо отношении. Меня без труда можно обнаружить по адресу: 443011 г. Самара, ул. Ак. Павлова, 1. Самарский Государственный Университет, факультет психологии. Телефон контакта: (8462) 345400, 597518. **E-mail: agafonov @ ssu.samara. ru.**

«Отношение к ближнему - это отношение молитвы, отношение к себе - это отношение стремления, из молитвы черпается сила для стремления.» Так говорил Кафка.

"В силу того, что мы находимся в мире, мы приговорены к смыслу."

Морис Мерло - Понти.

"Я рассматриваю свой вклад в психологию как собственную субъективную исповедь. То, как я вижу психологические факты, представляет собой мою личную психологию, мой предвзгляд. ...Даже если со мной не согласен весь мир, мне это совершенно безразлично."

Карл Густав Юнг.

ВВЕДЕНИЕ

Для человека открыты только две возможности вопрошания.

Первый род вопросов, которыми задается человеческий ум, имеет свои ответы. Сами ответы могут быть ошибочными, считаться неубедительными, недостаточно полными; это могут быть ответы на совсем другие, а не на поставленные вопросы, наконец, эти ответы могут принимать форму вопросов. Но так или иначе, вопросы первого рода по определению имеют свои ответы. То, о чем спрашивает человек в своей повседневной жизни в преимущественной степени является содержанием именно такого вопрошания.

Второй род вопросов никогда не получает окончательных, удовлетворительных, успокаивающих сознание ответов, поскольку эти вопросы принципиально не имеют единственно возможных ответов, но, несмотря на это, они не теряют для человека своего глубочайшего смысла. Это предельный, граничный для нашего сознания способ самообнаружения. Ф.М. Достоевский такие вопросы называл "проклятыми", а Д. Кришнамурти определял их как един-

ственно "правильные"¹. Определяющим свойством такого рода вопросов является невозможность отказа человеческого сознания от попыток найти на них ответы. В этом заключается трагический парадокс сознания: человек способен задаваться вопросами, ответы на которые требуют сил, превышающих его познавательные ресурсы. Это отчетливо понимал И. Кант, который в предисловии к "Критике чистого разума" отмечал, что "на долю человеческого разума в одном из видов его познаний выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой, но, в то же время, он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума"². Такие вопросы хорошо известны. Например: "В чем смысл истории?", "В чем смысл жизни?", "Что такое мир?", "Что такое любовь?", "Что такое Я?" и т.д. Многовековая история мысли есть перманентное стремление обнаружить ответы на эти конечные вопросы бытия. И очевидно, что жизненность человеческого сознания проверяется масштабом результатов познавательного поиска. Проблемные вопросы могут существовать только в человеческом сознании. Только для человека они обладают притягательной силой. Поэтому знание о том, что есть человек; для чего он пришел в этот мир и куда он уходит; что из себя представляет человеческая психика; что такое сознание и какова роль сознания в познании, даст нам "ключ ко всем загадкам мира". Недаром еще Протагор определил человека в качестве "меры всех вещей".

В различных школах психологии предлагались свои варианты понимания загадочного феномена человека. Однако, по сей день проблема определения состава, организации и функций психики является злободневной. Нет сомнения, что и спустя столетия (в случае, если человечество су-

---

¹Кришнамурти Д. Восемь бесед в Бомбее в 1959 - 60 гг. М, 1992. С. 6.

²Кант И. Критика чистого разума. Минск, 1998. С. 60.

меет себя сохранить) эта проблема по-прежнему не потеряет своей актуальности. Человек - есть таинственный парадокс, и его существование всегда будет представляться загадочным¹. Любая теоретическая конструкция, любая модель структурно - функциональной организации психики, какой бы емкой и адекватной она ни представлялась автору, не может отражать все богатство человеческих проявлений, поразительную сложность "микрокосма в макрокосмосе". Теория может быть жизнеподобной, но никак не наоборот. Жизнь, в том числе, естественно, и психическая, не может уместиться в прокрустовом ложе любой, самой совершенной теории. Тем не менее, как было сказано, всякий, пытающийся понять логику работы психики, однажды поместив себя в пространство "правильных" вопросов, уже не свободен отказаться от поиска ответов, которые а priori, до своего появления, уже могут быть признаны временными, и потому неудовлетворительными. Но только это создает условия, стимулирующие дальнейший ход познания, только в этом случае возможен прирост знания, в том числе и научно - психологического. Кроме того, познание является самоценным и заключает цели, на которые оно направлено в самом себе. Иначе говоря, целью познания, в частности, психологического познания, является само познание. "Поиск истины, - по мнению Лессинга, - значительно ценнее, чем обладание ею"².

На вопрос: "Как устроена человеческая психика?" не может быть получен инвариантный для всех спрашивающих ответ. Как любой вид творческой деятельности, научное творчество глубоко лично, глубоко интимно. В конечном счете, научная психология - один из возможных путей самопознания. И если кому-то опыт предлагаемого в данной работе пути покажется небезынтересным - это будет

---

¹Подробнее о парадоксальности психического см. Агафонов А. Ю. Номо Paradoxes: Штрихи к портрету. // В печати.

²Цит. по: Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1975. С. 76.

автору лучшей наградой и лучшим стимулом к дальнейшему движению.

В настоящей работе я не буду говорить о том, что традиционно считают предметом психологической науки, а постараюсь (насколько это выйдет успешным, судить не мне) максимально точно интерпретировать собственную мысль о психическом мире человека.

«Путь бесконечен, тут ничего не убавишь и ничего не прибавишь, и все же, каждый прикладывает к нему свой детский аришин. Конечно, ты должен пройти еще этот аришин пути, это тебе зачтется.» Так говорил Кафка.

ЧАСТЬ 1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА В ПСИХОЛОГИИ

Глава 1. ИСТОРИЯ ВЫБОРА ЕДИНИЦ АНАЛИЗА ПСИХИЧЕСКОГО

Историю развития психологии, по всей видимости, вполне оправданно представлять себе как непрерывный процесс поиска генетически первичных единиц анализа психического. Любая психологическая концепция, претендуя на роль научной теории, в явном или латентном виде включает в себя в качестве базового постулата положение о нередуцируемой, элементарной психической реальности, которая выступает не просто как предмет психологического анализа, а именно как единица такого анализа. Следует отметить, что независимо от того, каким содержанием наполняют предметную область психологии, в "потоке сознания" исследователей всёгда можно уловить стремление к обнаружению первичных, неразложимых путем дальнейшего анализа, своего рода атомарных психических составляющих. Как справедливо указывают Н.Д. Гордеева и В.П. Зинченко, "осознанное выделение единицы анализа - признак методологической зрелости того или иного направления в науке, начало систематического построения теории"¹. Несмотря на то, что далеко не всегда происходит осознание методологической значимости выбора единицы анализа, проблема определения исходных, неразложимых психических форм так или иначе возникала в каждом направлении психологической науки. И, соответственно, от того, как решалась эта проблема, зависели не только контуры той или иной теории, но, во многом, этим определялся и сам предмет психологии. Развитие научной психологи-

---

¹Гордеева Н. Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 5.

История выбора единиц анализа психического

ческой мысли порой в течение нескольких десятилетий зависело от того, что принималось в качестве основополагающего системообразующего психического образования. Можно даже утверждать, что разрешающая способность научной теории задается пониманием природы "первоначала" психического. Представления о внутреннем мире человека, степени его когнитивной сложности и познавательных ресурсах обусловлены тем, что мы помещаем в основу анализа феномена человеческой психики. В связи с этим, методологическим следствием обоснованного выбора того или иного психического образования в качестве целостной единицы анализа является объяснение всего многообразия форм психической активности человека, исходя из базового аксиоматического положения, фиксирующего выбор той или иной психической реальности в статусе элементарной неразложимой единичной целостности. Еще С.Л. Рубинштейн указывал: "для того, чтобы понять многообразные психические явления в их существенных внутренних взаимосвязях, нужно прежде всего найти ту "клеточку" или "ячейку", в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве"¹. Поэтому методологическое значение проблемы определения единицы анализа трудно переоценить. И, думается, что от того, как будет поставлена и решена эта важнейшая для психологии проблема, зависит дальнейшее развитие научной психологической мысли, а, следовательно, и состояние психологии в XXI веке.

В разное время на роль доминанты психического претендовали: "ощущения", "образы", "акты сознания", "реакция", "рефлекс", "фигуро - фоновые отношения", "ассоциация", "стимул - реакция", "установка", "действие" или "живое движение", "схема", "переживание", "значащее переживание" и т.д. Каждая психологическая школа стремилась

¹Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 173.

История выбора единиц анализа психического

найти свою уникальную "клеточку" психического. И не случайно замечено, что противоречия между различными теоретическими системами наиболее ярко обнаруживаются именно при обсуждении характера единицы анализа¹. Несмотря на многочисленные варианты решения, проблема выделения единицы анализа психики по сей день является исключительно важной. Невозможность решить эту важнейшую методологическую задачу в течение нынешнего столетия ни коим образом не делает бессмысленным процесс дальнейшего поиска. Сами по себе попытки найти приемлемые решения проблемы единицы анализа при любом исходе способствуют приращению научного знания, стимулируют ход идеогенеза. Развитие представлений относительно единицы анализа обогащает науку новыми экспериментальными и теоретическими данными, помогая лучше понять многообразие проявлений психики. Здесь достаточно вспомнить, что вопреки нарочито ограниченному пониманию единицы анализа, в рамках гештальт-подхода было открыто множество закономерностей в области психологии зрительного восприятия. Пониманию деятельной природы психического способствовали разработки представителей американского функционализма. Бихевиоризм показал характер обусловленности поведения человека физическим и социальным окружением. А психоанализ расширил наши знания о психике, предложив описание природы и механизмов бессознательных процессов. Все известные в психологии теории претендовали на понимание существа человеческой психики в ее характерных, определяющих именно как человеческую, чертах; несмотря на то, что выбранные единицы анализа далеко не всегда давали возможность экстраполировать полученные экспериментальные результаты, выявленные закономерности,

---

¹Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982. С. 5.

История выбора единиц анализа психического

обнаруженные факты наблюдения и т.д., на всю феноменологию психического. Но, несмотря на то, что выбирались единицы анализа, не отражающие характер всего психического целого, в силу чего нарушался важный методологический принцип, который можно назвать как принцип "разрешающей способности единицы анализа", достижения различных направлений психологии, имевших порой радикально отличные парадигмы, нельзя поставить под сомнение. Произвольность выбора исследовательских установок неизбежна для научного познания, так как научная деятельность не является обезличенной, это всегда деятельность, реализуемая субъектом познания, то есть живым участником научного творчества. Поэтому любая теория - есть осуществление собственных индивидуальных представлений, убеждений, верований ученого; и сама теория определяется первоначальным, исходным выбором оснований анализа изучаемого феномена. В силу этого ни одна психологическая концепция, сколь универсальна бы она ни была, не может не быть безгрешной. Помимо этого, вторым важным обстоятельством, дающим право быть уверенным в том, что научная психология застрахована от стагнации, является, наверное, ясное для всех понимание того, что теоретическая модель всегда огрубляет репрезентируемую реальность. За рамками теории всегда остается что-то, что не может быть формализовано в рамках одной теории, имеющей свой понятийный аппарат. По меткому выражению Аллаhverдова В.М., психология как самостоятельная наука находится в состоянии перманентного кризиса¹. Говорить о том, что психология переживает перманентный кризис, стало своего рода чуть ли не проявлением интеллектуального вкуса. Вот что, например, пишет В.М. Розин: "...Психологическая наука и отчасти практика

---

¹Аллаhverдов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993. С. 104.

История выбора единиц анализа психического

переживают перманентный кризис... Необходимы усилия для переориентации психологической мысли, а это .. предполагает критическое отношение к истории и сегодняшним тенденциям развития предмета психологии."¹ Надо признать, что научная психология в нынешнем ее состоянии представляет собой "многоквартирный дом с очень шатким фундаментом"². До сих пор не утихают споры относительно того, чем, собственно, является психология: искусством, самостийной сферой знания или же наукой. А если наукой, то какой: естественной или гуманитарной? В.М. Аллахвердов убежден, что психология должна строиться по образцу великих естественных наук, а уже вышеупомянутый В.М. Розин настаивает на обратном, полагая, что "замысел построить психологию по образцу естественной науки не удался"³ и психологию следует считать гуманитарной дисциплиной. По сей день актуально звучат слова Л.С. Выготского, сказанные более чем 70 лет назад: "Построение единой психологии на почве старых психологических допущений невозможно. Самый фундамент психологии должен быть перестроен."⁴ Но вопреки тому, что по указанным выше причинам психология никогда не сможет выйти из кризисного состояния, научные поиски не обесцениваются, а, скорее, напротив, стимулируются требованием согласования огромного массива эмпирических данных и интеграции различных теоретических подходов. Колоссальный объем экспериментального материала, множество локальных теоретических подходов делает нецелесообразным дальнейшую дифференциацию психологического зна-

¹Розин В.М. Психология и культурное развитие человека. М., 1994. С. 3.

² Агафонов А.Ю. К вопросу о составе психического. Тезисы международной конференции "Проблемы интеграции академической и практической психологии". Самара, 1999. С. 108.

³ Розин В.М. Указанное сочинение. С. 53.

⁴ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 481.

История выбора единиц анализа психического

ния. "Дефицит теоретического единства становится все очевиднее..."¹ - отмечает Л.М. Веккер. В настоящее время, как никогда, обнаруживается необходимость разработки метапсихологической теории, способной объединить имеющиеся фрагменты знания в единую картину психической жизни человека. Парадоксальность нынешнего положения в современной психологии состоит в том, что, с одной стороны, все больше и больше придается важность построению синтетической теории, способной нести в себе такой объяснительный потенциал, который позволил бы концептуально соединить положения различных теорий, с другой стороны, создание такой теории не может быть освобождено от субъективизма, от авторских пристрастий ее создателя. Интересно то, что даже в отдельных областях психологии царит идеологическая разобщенность. Так, например, А.В. Либин, высказывая сожаление относительно рассогласованности позиций, которые в настоящее время определяют состояние дифференциальной психологии, заметил: "...все большее значение приобретает на современном этапе концентрация усилий исследовательской мысли на пути концептуальной интеграции сложившихся к настоящему времени подходов"². Хотя это для большинства ученых является очевидным, "несокрушимая сила субъективных авторских предпочтений" не позволяет сколь-либо существенно продвинуться на пути возможной интеграции.

Как уже было сказано, важнейшие положения теории выводимы из базовых представлений (в некотором смысле априорных) о единице анализа психического. Любая психологическая теория, моделируя психическую реальность, не может быть абстрагирована от анализа того базового элемента теоретической конструкции, который является в

¹ Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998. С. 16.

² Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейской, российской и американской традиций. М., 1999. С. 19.

История выбора единиц анализа психического

составе самой теории формализацией знания о фундаментальном, базальном, определяющем специфику психического, начале. Логика теоретического построения; реконструирующая логику психической деятельности, отправляясь от определения единицы анализа психического, с необходимостью должна разворачиваться в направлении понимания *материала, структуры и функций* психического, независимо от того, что признается за единицу анализа. Из истории психологии хорошо известно, что за единицу анализа принимались или *элементы* психического опыта, то есть то, из чего, собственно, состоит психический мир человека. Тогда анализ психической деятельности (а чаще всего речь шла о сознательном опыте) рассматривался в своем содержательном аспекте. Или же в качестве определяющей феноменологию психического выступала *структура*, способ организации между психическими элементами. В этом случае описание и анализ проводился с позиций организации психического содержания, то есть, акцентировался формальный аспект. Или же природа психического выводилась из имманентно присущей психике активности, и тогда продукты психической деятельности расценивались как эффекты реализованных *функций*. В последнем случае критериальным атрибутом человеческой психики считалась акция, акт, или, в широком смысле слова, действие, вне реализации которого психическая жизнь невозможна. При этом психическая организация описывалась со своей функциональной стороны. За всю историю психологии единица анализа не выступала в содержательно - структурно - функциональном триединстве. То есть, единица анализа никогда не рассматривалась одновременно и как материал, из которого строится психический процесс, и как элементарная психическая форма, и как элементарная функция. И, надо отметить, что это не свидетельство однобокости подходов, а, в первую очередь, проявление тех методологических ограничений, которые делают принципиально невозмож-

История выбора единиц анализа психического

возможным видеть за единицей анализа материал, структуру и функцию одновременно.

Исторические корни проблемы определения единицы анализа психики несомненно следует искать в недрах структурной школы психологии. И не только потому, что работы В. Вундта способствовали оформлению психологии в самостоятельную научную дисциплину, но, в первую очередь, по причине понимания представителями интроспекционизма специфики предмета психологии и, в связи с этим, методов экспериментального исследования. Согласно В. Вундту, предметом психологической науки, которую он не вполне адекватно собственным идеологическим воззрениям назвал "физиологической психологией", должен стать "непосредственный опыт". То есть, начальным пунктом научного психологического анализа является элементарный состав сознания. Поскольку представителями структурализма психика отождествлялась с сознанием, элементы сознания провозглашались исходной единицей анализа психического. Единственным пригодным для этих целей методом изучения был признан интроспективный анализ. Несмотря на то, что в экспериментах, проводимых в Институте экспериментальной психологии в г. Лейпциге, использовались процедуры, заимствованные из экспериментальной практики физиологии, Вундт, а в дальнейшем и Титченер, считали, что кроме самонаблюдения никакой другой метод не может быть использован в психологии, так как "непосредственный опыт" открыт только носителю сознания и только в том случае, если он не зависит от мнения самого испытуемого во время интроспективного эксперимента. В противном случае, если испытуемый сообщает о своем переживании или восприятии, или же выносит суждение о содержании сознания, то речь может идти только об опосредованном опыте, то есть о том знании, которое является следствием накопления полученной в ходе жизни информации. Но не такое знание, по мнению пионера экс-

История выбора единиц анализа психического

периментальной психологии, должно стать предметом изучения. Из чего на самом деле состоит сознание? - вот основной вопрос, на который должна ответить психология. На основании такого подхода к определению базовой задачи психологической науки, Вундт определил три важнейших исследовательских цели:

- 1) описание основных элементарных составляющих сознания;
- 2) определение характера связей между элементами сознания. (То есть, установление способа организации элементов в структуре непосредственного опыта.);
- 3) установление принципов, согласно которым определяется этот способ организации. Или, иначе говоря, раскрытие механизмов, обеспечивающих соединение элементов.

То, что "внутренняя перцепция" не позволяет обнаружить атомарный состав сознания, стало понятным уже во времена существования вундтовской лаборатории экспериментальной психологии. Протоколы интроспективных анализов были противоречивы, с трудом могли быть согласованы между собой, что, в свою очередь, делало невозможным стандартизацию результатов. Маловероятно, что Вундт именно на основе экспериментальных исследований пришел к заключению о том, что ощущения и чувства являются исходным материалом сознания. Скорее всего, такой вывод явился результатом его отвлеченных рассуждений, а в интроспективных отчетах он искал подтверждение своей позиции. Видя за ощущениями и чувствами простейшие компоненты сознания, первичные образующие опыта, Вундт полагал, что ощущения и чувства не просто присутствуют в поле сознания в каждый момент времени, но и являются взаимоотношенными. Так, каждому ощущению соответствует определенное чувство. В подходе Вундта к анализу состава сознания явственно обнажилось противоречие, которое не могло быть разрешено в силу базовых посылок интроспекционизма. Суть этого противоречия

История выбора единиц анализа психического

состояла в том, что, с одной стороны, психология была призвана выявить элементы сознания в рафинированном виде, с другой стороны, сами эти элементы в "непосредственном опыте" не существуют изолированно, обособленно друг от друга. Благодаря "творческому синтезу", элементы сознания организованы в сложное целое, имеющее свое качество. "Характеристики любого сложного психического явления не сводятся к сумме характеристик, его составляющих." (В. Вундт, 1896). Тем самым, непосредственный опыт сознания не может быть описан на языке свойств ощущений (интенсивность, длительность, модальность) и чувств (удовольствие - неудовольствие, напряжение - расслабление, возбуждение - успокоение), так как наличное содержание сознания представляет собой синтез, интеграцию этих элементов, а не их механическое сочетание. В концепции Вундта механизмом организации опыта служит воля - ничем не детерминированная способность человека, отвечающая за установление взаимосвязей между элементами. Посредством "творческого синтеза" воля соединяет элементы в сложно структурированную целостность, которая атрибутируется иначе, чем элементы этого целого. Хотя испытуемому в эксперименте именно эта целостность содержания сознания и открывается, он должен был сообщать исключительно о свойствах самих элементов, которые иначе как в составе целого не даны.

Ставя основную задачу для психологии - изучение атомарного состава сознания с помощью расчленения в ходе интроспективного анализа непосредственного опыта, Вундт не считал возможным изучение таких форм психической деятельности, как память, мышление, воля, будучи уверенным, что с помощью самонаблюдения эти процессы изучать не представляется возможным.

Разочарование в потенциальных возможностях структуралистского направления, и, прежде всего, недоверие к интроспективному методу повлияли на значительное паде-

История выбора единиц анализа психического

ние интереса к теории Вундта. Среди немногих сторонников взглядов Вундта можно выделить Э. Титченера, который остался убежденным приверженцем идей структурализма и, можно сказать, довел интроспективную психологию до своего логического завершения, которое впоследствии оценивалось как логический тупик структурализма.

Титченер, вполне в духе вундтовской традиции, предметом психологии считает "непосредственный опыт". В отличие от своего предшественника, Титченер дифференцировал понятия "сознание" и "разум", считая, что сознание - есть сумма тех переживаний, которые актуализированы в текущий момент времени, а разум - это сумма переживаний, накопленных с течением времени. Титченер, пожалуй, был еще более категоричен, чем Вундт относительно значения и целей психологии. Он был убежден в том, что психология есть "чистая наука", и психолога не должны волновать вопросы прикладного характера, как то: воспитание, обучение, психологическая помощь, оптимизация общественных отношений. Психология должна единственно изучать сознателные процессы в их содержательном аспекте и устанавливать законы, согласно которым происходит объединение составляющих сознания в единое целое. Тремя основными элементами структуры сознания Титченер считал: ощущения, образы и эмоциональные состояния; никаких других элементов в сознании нет. В ответ на предложение Вюрцбургской школы считать мысль самостоятельным психическим образованием, не редуцируемым к трем перечисленным элементам, Титченер пытается обосновать свою, так называемую "контекстную теорию значения". Согласно этой теории, само значение возникает как множество ощущений. Последние, в свою очередь, явлены в сознании в момент взаимодействия с реальными объектами. Иллюзию того, что в сознании имеется значение, как нечто внесенсорное, Титченер объяснял тем, что испытуемые в процессе эксперимента совершали "ошибку стимула", ко-

История выбора единиц анализа психического

торая заключалась в том, что в самоотчете смешивались два различных содержания опыта, а именно: содержание процесса восприятия объекта и влияние самого объекта. "Ошибка стимула" имеет место тогда, когда сознание испытуемого поглощено воздействующим объектом, поэтому от испытуемых требовалось описывать свои переживания на языке осознанного восприятия, а не на языке предметных значений. Если при восприятии цветка испытуемый сообщает о форме, цвете, запахе, а не о том, какой предмет он видит, значит он свидетельствует об истинном содержании актуального сознания. Тем самым, значение, как продукт мышления, иначе как в сенсорном контексте не возникает. Следовательно, само значение выводимо из первичных элементов сенсорного опыта. Случаи (которые, надо думать, были весьма многочисленны), когда при решении интеллектуальных задач испытуемые не способны были обнаружить сенсорный контекст, Титченер склонен был объяснять недостаточным уровнем развития у испытуемых способности к интроспекции. Поэтому совершенствованию интроспективного эксперимента Титченер придавал большое значение, считая, что только тренированные испытуемые могут быть источником достоверного знания о событиях, происходящих в сознании. Он писал: "наблюдение подразумевает наличие двух моментов: внимание к явлению и регистрацию явления. Внимание необходимо поддерживать на максимально возможном уровне концентрации; регистрация должна быть фотографически точной. Такое наблюдение представляет собой тяжелую и утомительную работу, а интроспекция, в целом, оказывается труднее и утомительней наблюдения внешних событий."¹ Испытуемые, по мнению Титченера, должны обладать хорошим физическим здоровьем, быть лишенными житейских

---

¹Цит. по: Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб., 1998. С. 134.

История выбора единиц анализа психического

забот, с тем, чтобы ничто не могло отвлекать их от утомительного занятия интроспективным анализом¹. Надо заметить, что еще критики Вундта полагали, что длительный эксперимент с самонаблюдением вызывает у его участников психические нарушения² (Титченер, 1921).

Идеи структурной школы психологии после Титченера не получили своего развития. Даже сами классики интроспекционизма во многом отмежевались от своих прежних взглядов. Известно, что Вундт в последние годы жизни занялся культурно - исторической психологией, написав десяти томный труд "Психология народов", больше не возвращаясь к экспериментальному исследованию сознания. А Титченер даже начал подвергать сомнению сам термин "структурная психология", называя в 20-е годы свою систему "экзистенциальной психологией". Святая святых структурного подхода - интроспективный метод, Титченер предпочел феноменологическому анализу. Тем самым, попытка разбиения сознания на элементы оказалась безуспешной даже с позиций самих представителей структурализма. Да и сама проблематика структурализма, исходя из логики развития науки, расценивалась как вчерашний день психологии.

Очевидные недостатки теоретической системы структурализма никоим образом не умаляют достоинств этой школы психологии. Думается, что одним из важнейших методологических вопросов, поставленных апологетами структурализма, был вопрос о характере материала психического. Важно не то, как решался этот вопрос, а сам факт его постановки и стремление экспериментальным методом изучить состав психики. Хотя обычно считается, что представители структурализма не внесли сколь-либо весомый вклад в развитие научных знаний ("...ни одно из положений

¹Цит. по: Шульц Д.П., Шульц С.Э. Указанное сочинение. С. 134.

²Цит. по: Шульц Д.П., Шульц С.Э. Указанное сочинение. С. 95.

История выбора единиц анализа психического

вундтовской программы не выдержало испытаний временем¹. О В. Вундте: "...экспериментальная психология покинула его", "...компилятор, не сделавший никакого существенного вклада, кроме, может быть, доктрины о перцепции"² (С. Холл), однако, по сей день проблема определения исходного материала психического является значимой. Без понимания природы состава психического, создание единой теории познавательных процессов и определение структурно - функциональной организации психики едва ли возможно. В этой связи Вундт и его последователи не только стояли у истоков экспериментального направления психологии, но и очертили круг важнейших проблем, которые должны были быть решены в будущем.

Общие теоретические основания структурализма не позволяли раскрыть процессуальный, действенный характер психического. Как происходит психическое отражение? Каким образом индивидуум, посредством своего сознания, адаптируется в условиях средовых изменений? Как он регулирует свою жизнедеятельность? Наконец, каковы детерминанты психической активности? Понятно, что на эти вопросы в рамках структурного подхода не могли быть получены удовлетворительные ответы. Более того, подобные вопросы в русле структурализма вообще не могли быть серьезно поставлены.

Если для представителей структурной школы психологии главным предметом исследования являлся материал, из которого состоит сознание, то для американского функционализма, представленного именами В. Джемса, Д. Дьюи, Д.Р. Энджелла, Г.А. Кэрра, и европейского функционализма, в лице прежде всего К. Штумпфа, основной категорией, через призму которой описывался феномен сознания, стало понятие "функция". Исходя из этого, глав-

¹Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985. С. 225.

²Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. М., 1996. С. 194.